

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

И

МЕЖДУНАРОДНОЕ

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Издательство «КУБУЧ»

ЛЕНИНГРАД

04

34
31812

ПЕРВАЯ РУССКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
И МЕЖДУНАРОДНОЕ
РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

228
64

Издательство „КУБУЧ“
ЛЕНИНГРАД

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья Франца Меринга. Отрывок Розы Люксембург.

О русской революции.

Российские события показывают нам, что массовую стачку нельзя отделить от революции. История русской массовой стачки — это история русской революции. Правда, когда представители нашего немецкого оппортунизма слышат о «революции», то они немедленно представляют себе кровопролитие, уличные битвы, порох и свинец. Поэтому они приходят к следующему логическому выводу: массовая стачка неизбежно ведет к революции, следовательно, мы не должны к ней прибегать. И, действительно, мы видим в России, что почти каждая массовая стачка в конечном счете приводит к столкновению с вооруженными охранителями существующего порядка. В этом отношении так называемые политические стачки решительно не отличаются от более крупных экономических схваток. Однако, революция — нечто другое и нечто более сложное, чем кровопролитие. По полицейскому пониманию революция рассматривается исключительно с точки зрения уличных волнений и стачек, другими словами, с точки зрения «беспорядка». Напротив, научный социализм видит в революции глубокий внутренний переворот в социальных классовых отноше-

ниях. И с этой точки зрения между революцией и массовой стачкой в России существует не только та, замечаемая при поверхностном наблюдении, связь, что массовая стачка кончается обыкновенно кровопролитием.

Выше мы рассмотрели внутренний механизм русской массовой стачки, который покоится на безостановочном взаимодействии политической и экономической борьбы. Но именно это взаимодействие обуславливается революционным периодом. Действительно, только в насыщенной электричеством атмосфере революционного периода каждый маленький частичный конфликт между рабочими и капиталом принимает способность разрастаться до размеров всеобщего взрыва. В Германии ежегодно и ежедневно происходят самые сильные, самые жестокие столкновения между рабочими и предпринимателями, но борьба не выходит за пределы данной отдельной отрасли, отдельного города или даже отдельной фабрики. Меры, принимаемые против организованных рабочих, как в Петербурге, безработица, как в Баку, конфликты на почве заработной платы, как в Одессе, борьба за пенсионную кассу, как в Москве, — все это в Германии в порядке дня. И, однако, ни один из этих случаев не превращается во всеобщее классовое выступление. Если даже отдельные из этих конфликтов разрастаются до единичных массовых стачек, несомненно, имеющих политическую окраску, то и тогда еще они не вызывают всеобщей грозы. Наглядным примером этого может служить всеобщая стачка голландских железнодорожников, несмотря на глубокие симпатии,

окончившаяся неудачей, среди полной неподвижности пролетариата.

И, наоборот, только в революционный период, когда социальные основания и стены классового общества разбиваются и постоянно передвигаются, только тогда каждое классовое действие пролетариата может в несколько часов вырвать из косности целые незатронутые ранее слои рабочего класса. И их пробуждение немедленно выражается, разумеется, бурной экономической борьбой. Рабочий, внезапно оторванный от сна громом политического выступления, прежде всего направляет свои силы на то, что ему ближе: на борьбу со своим рабочим положением в области экономических отношений. Бурное движение политической борьбы заставляет его неожиданно, с невероятной болезненностью почувствовать тяжесть и гнет его экономических цепей. В Германии, например, самая горячая политическая борьба, будь то предвыборная борьба или борьба в парламенте из-за таможенного тарифа, едва ли заметным образом непосредственно влияет на ход и напряженность одновременно происходящих в стране экономических конфликтов. В России, между тем, каждое политическое действие пролетариата немедленно выражается в расширении и углублении экономической борьбы.

Таким образом, только революция создает те социальные условия, при которых делается возможным происходящий при массовой стачке непосредственный переход экономической борьбы в политическую и политической в экономическую. Шаблонная схема видит связь между массовой стачкой

и революцией только в кровавых уличных схватках, завершающих массовую стачку. Но более глубокий взгляд на российские события показывает нам совершенно *обратную* зависимость: в действительности, не массовая стачка вызывает революцию, а революция — массовую стачку.

Вопрос о сознательном руководстве и инициативе массовой стачки. Если массовая стачка является не единичным актом, а целым периодом классовой борьбы, и если этот период совпадает с революционным периодом, то ясно, что массовая стачка не может быть произвольно вызвана, даже если на то последует постановление высшей инстанции самой могучей социал-демократической партии. Поскольку социал-демократия не обладает возможностью по собственному усмотрению устраивать или отменить революции, постольку недостаточно и величайшего воодушевления и нетерпения организованных социал-демократических сил для того, чтобы вызвать действительный период массовой стачки, как могучего жизненного народного движения. Основываясь на решительности руководящих органов и на партийной дисциплине социал-демократических рабочих, можно, конечно, организовать единую, непродолжительную демонстрацию, вроде шведской массовой стачки, или недавних австрийских стачек, или, наконец, гамбургской массовой стачки 17-го января (н. ст.). Но от истинного периода революционных массовых стачек эти демонстрации отличаются так же, как отличаются от морской войны пресловутые морские демонстрации, устраиваемые при натянутых дипломатических

отношениях в чужих гаванях. Массовая стачка, созданная исключительно на почве дисциплины и подъема духа, в лучшем случае окажется эпизодом симптомом боевого настроения рабочих. Затем попросту вернутся тихие будни. Правда, и в революционные периоды массовые стачки не просто падают с неба. Они так или иначе должны «даться» рабочими. При этом, конечно, играют роль решимость и решение рабочих, и, разумеется, как инициатива, так и дальнейшее руководство выпадают здесь на долю организованного и наиболее сознательного социал-демократического ядра пролетариата. Однако, поле действия этой инициативы и этого руководства ограничивается обыкновенно областью отдельных актов, отдельных стачек, при наступлении уже революционного периода, и даже, большей частью, в пределах одного города. Так, например, мы видели, что социал-демократия неоднократно с успехом давала непосредственный сигнал к массовой стачке в Баку, Варшаве, Лодзи и один раз в Петербурге. Результат этот достигается гораздо труднее по отношению к обшчим выступлениям всего пролетариата. Кроме того, здесь инициативе и сознательному руководству поставлены совершенно определенные границы. Именно, во время революции какому-нибудь руководящему органу пролетарского движения крайне трудно предвидеть и предопределить, какие поводы и какие моменты могут привести к взрыву и какие нет. И здесь инициатива и руководство выражаются не в произвольном командовании, а в возможно более удачном применении к обстоятельствам и воз-

можно более тесном соприкосновении с настроением массы. Как мы уже видели, в России элемент стихийности играет во всех без исключения массовых стачках выдающуюся роль, то как пробуждающее, то как тормозящее начало. Но это происходит не от того, что в России социал-демократия еще молода и слаба. Это объясняется тем, что в каждом отдельном акте борьбы одновременно действует столько необозримых экономических, политических и социальных, всеобщих и местных, материальных и психологических моментов, что ни один акт не может быть определен и развит, как математическая задача. Даже если пролетариат с социал-демократией во главе и играет руководящую роль в революции, она все же не может быть уподоблена каким-нибудь маневрам рабочего класса в открытом поле; она — скорее сражение среди непрекращающегося треска, разрушения, перемещения всех социальных оснований. Короче говоря, в России элемент стихийности играет такую преобладающую роль в массовых стачках не потому, что российский пролетариат «не воспитан», а потому, что революции не поддаются воспитанию.

Итак, в России революция крайне затрудняет социал-демократии дело управления массовой стачкой; она ежеминутно то капризно вырывает из ее рук дирижерскую палочку, то снова насильно вкладывает ей ее в руку. С другой стороны, мы видим, что та же революция сама разрешает все те трудные вопросы массовой стачки, которые в теоретической схеме германских споров являются главными заботами «руководства»: вопросы о «снабжении жизнен-

ными припасами», о «покрытии расходов» и о «жертвах»... Правда, здесь эти вопросы решаются совсем не так, как при обсуждении с карандашом в руках на спокойной, уютной конференции между высшими руководящими инстанциями рабочего движения. «Решение» всех этих вопросов сводится к тому, что революция выбрасывает на сцену такие огромные народные массы, что всякая попытка вычислить и нормировать расходы по ведению какого-нибудь гражданского иска является совершенно безнадежным предприятием. Правда, в России руководящие организации стараются по мере сил оказывать поддержку непосредственным жертвам борьбы. Так, например, товарищей, мужественно пострадавших во время колоссального локаута, бывшего ответом на кампанию за восьмичасовой рабочий день, поддерживали в течение недель. Однако, в огромном балансе революции все эти меры не более, как капля в море. С той минуты, как начинается настоящий серьезный период массовой стачки, все «вычисления расходов» становятся попыткой вычерпать всю воду из океана чайным стаканом. Ведь, всякая революция дается пролетариату ценой безграничных жестоких страданий и лишений. Революционный период выходит из этого, как будто непреодолимо трудного положения, развивая в массах такое огромное количество идеализма, что они перестают ощущать самые острые страдания. Ни революция, ни массовая стачка не делаются с психологией члена профессионального союза, который не согласится на первомайскую забастовку, пока ему заранее не обеспечат определен-

ное пособие, в случае увольнения. Но в том-то и дело, что в вихре революционного периода пролетарий превращается из требующего поддержки заботливого отца семейства в «революционного романтика», для которого высшее благо — жизнь, не говоря уже о материальном благополучии, теряет всякую цену по сравнению с идеалами борьбы.

Но если момент возникновения массовой стачки и вычисление и покрытие ее расходов зависят от революционного периода, которому в этом смысле принадлежит руководство ею, то на долю социал-демократии и ее высших органов выпадает руководящая роль в совершенно другом смысле. Вместо того, чтобы ломать себе голову над технической стороной дела, над механизмом массовой стачки, социал-демократия призвана быть *социалистической* руководительницей и в разгар революционного периода давать пароль, направление борьбе, приспособлять *тактику* политической борьбы так, чтобы в каждый фазис, в каждый момент борьбы реализовалась вся «сумма наличной, свободной, активной мощи пролетариата, чтобы она выражалась в боевой позиции партии; следить за тем, чтобы тактика социал-демократии, по своей решимости и определенности, никогда не стояла *ниже* действительного соотношения сил, а, наоборот, всегда стояла впереди, — вот самая важная задача «руководства» в период массовой стачки. А это руководство, до некоторого рода, само собой переходит в техническое. Последовательная, решительная, стремящаяся вперед тактика социал-демократии вызывает в массе ощущение уверенности, самонадеянности и жажду борьбы; на-

оборот, тактика колеблющаяся, слабая, основанная на недостаточной оценке пролетариата, тормозит и смущает.

В первом случае массовые стачки вспыхивают «сами собой», и всегда «своевременно», во втором— прямые призывы руководящих органов к массовой стачке остаются подчас безуспешными. Как для того, так и для другого русская революция дает нам красноречивые примеры.

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ.

Из книги «Всеобщая стачка и немецкая соц.-демокр. партия».

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
1905 год и Япония. <i>Сен Катаяма</i>	5
1905 год и Болгария. <i>Г. Бакалов</i>	12
1905 год и Швейцария. <i>Ф. Платтен</i>	16
1905 год и Германия. <i>И. Фрелих</i>	23
1905 год и Австрия. <i>И. Штрассер</i>	45
1905 год и западно-европейское рабочее движение. <i>К. Цеткина</i>	53
1905 год. <i>Ф. Мерин</i>	75
О русской революции. <i>Р. Люксембург</i>	80